

А. С. Соколов

**ПРОЦЕССЫ ЭТНИЧЕСКОЙ АССИМИЛЯЦИИ  
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

*УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,  
г. Гомель, Республика Беларусь,  
alsokol@tut.by*

*В работе рассматриваются процессы смены этнической самоидентификации, происходящие с различной интенсивностью в Беларуси, России и других странах постсоветского пространства, вызывающие деформацию возрастной структуры ассимилируемых этнических групп.*

Особенностью этнического пространства постсоветских государств являются процессы смены этнической идентичности, затронувшие ряд этнических групп. Исследования показали, что на изменение численности некоторых этнических групп в России последние три десятилетия большое влияние оказывают не объективные процессы естественного и механического воспроизводства населения, а переоценка этнической (национальной) идентичности, в том числе и под воздействием общественно–политических условий [5]. В силу близости антропологических и этнокультурных признаков этот процесс затронул русских, украинцев и белорусов, проживающих на Украине, в России и Беларуси в качестве нетитульного этноса. Для них выражена тенденция изменения своей этнической идентичности на титульную. Способствует «официальной ассимиляции» культурно близких меньшинств и массовое наделение этнонимов *русский, украинец, белорус* и т.д. не столько этническим, сколько гражданским смыслом [4]. В других этнических группах в России и других постсоветских стран в ряде случаев также протекают этноассимиляционные процессы с различной степенью интенсивности. Как указывает С. Г. Сафронов [24], сравнительный анализ результатов постсоветских переписей населения России позволяет говорить об усложнении этнических процессов на территории страны. Наряду с классическими этнодемографическими процессами постепенно важную роль начинают играть вопросы формирования этнической идентичности и её устойчивости. Этот тезис справедлив и для ряда других постсоветских государств.

Смена этнической идентичности проявлялась и ранее – ещё в советское время. В 1940–1960-е гг. в Западной Сибири отмечены процессы смены идентичности украинцев, белорусов, поляков, представителей фино-угорских и тюркских народов на русскую [10].

Вопросы смены этнической самоидентичности среди белорусов и украинцев в постсоветской России стали изучаться ещё в 1990-е годы. Так, на примере Санкт–Петербурга было показано [8], что примерно по одной четверти выходцев из моноэтнических белорусских и украинских семей отказались от принадлежности к этносу своих родителей в пользу русской идентификации. В полиэтнических семьях более 75 % выбирают русскую идентичность, причём эта доля существенно возрастает в последующих поколениях. В Сибири численность белорусов в 1989–2002 гг. уменьшилась на 40,6 %, украинцев на 37,1 % [1]. За период с 2002 г. по 2020 г. белорусское население Поволжья сократилось на 76,7%, а русских за тот же период на 16 % при том, что показатель среднего количества детей, рожденных женщинами к концу их фертильного периода у белорусов выше, чем у русских [23].

В целом существенное уменьшение численности белорусов и украинцев в России в значительной степени быть объяснено их ассимиляцией, а точнее, переходом их от собственно этнической идентичности к общегражданской (российской), приравненной ими

к русской идентичности [19]. В других странах, например, Средней Азии и Закавказья, среди русских и украинцев также наблюдаются ассимиляционные процессы, связанные как с выбором титульной идентичности выходцами из смешанных семей (особенно мужского пола), так и со сменой белорусской и украинской идентичности на русскую и присоединению к значительно более крупной русской диаспоре [2, 28, 33].

Среди других народов России происходят аналогичные процессы. Согласно исследованию М. Ю. Сушко, на численность многих народов Саратовской области (мордва, чуваш, белорусы, башкиры, молдаване, марийцы, немцы, евреи) в период 2002–2010 гг. в большей мере влияли ассимиляционные процессы и процессы естественного воспроизводства (естественная убыль населения), а не миграционные [27]. Около четверти представителей миноритарных этнических групп Среднего Поволжья настаивают на своей принадлежности к титульному русскому этносу, в особенности в городской среде, оказывающей унифицирующее воздействие [31]. А. Ю. Орлов отмечает, что даже в мононациональных семьях славянских и финно-угорских народов русская идентичность если и не преобладает, то сосуществует наряду с родной. Чем моложе возраст, тем большая существует вероятность ассоциирования себя с языковой и культурной средой повседневного окружения, в данном случае русской [22], так как по мере смены поколений молодежь все более ассоциирует с доминирующей этнокультурной традицией [24].

Этническая ассимиляция проявляется в деформации возрастной структуры этнических групп – значительному уменьшению доли их населения в молодых возрастах и увеличению в старших. Так, согласно исследованию А. Ю. Орлова [22], в 2002 г. в Поволжском федеральном округе доля русских моложе трудоспособного возраста в общем количестве русских составляла 18,3 %, а аналогичная доля белорусов – 5,3 %, украинцев – 6,9 %, мордвы – 12,8 % и т.д. В то же время среднее число рожденных детей каждой женщиной поколения 1953–1957 гг. рождения к концу фертильного периода и у белорусов, и у украинцев, и у мордвы было выше, чем у русских, а восточнославянские этносы, к тому же, получали иммиграционную подпитку. Аналогичное явление описано для Белгородской области [6] – в 10 населённых пунктах с самой высокой долей белорусов (от 3 до 5 %) нет ни одного белоруса в возрасте до 16 лет, а среди 86 сельских населённых пунктов, где доля украинцев составляет более 10% жителей лишь в 17 украинцы превышают десятипроцентный порог среди лиц моложе трудоспособного возраста. В Ровенском районе, где в конце 1980-х гг. доля украинцев составляла 73 %, к 2010 г. она упала до 7 %. Белорусы в Белгородской области лидируют по доле среди них лиц старше 70 лет (22 %), что выше, чем у украинцев (17 %) и русских (11 %) [6]. В Крыму отмечается возрастание доли старших возрастных групп у караимов, крымчаков и других малочисленных этносов [32].

Одним из ведущих этноассимиляционных факторов является межэтническая брачность, уровень которой для белорусов и украинцев России очень высок. В Белгородской области только каждый седьмой мужчина–белорус и каждая шестая белоруска, проживают в семьях, созданных с супругом этой же национальности, а более 2/3 белорусов, находятся в браке с русскими; аналогичная ситуация с украинцами – только 32,9 % мужчин–украинцев и 29,1 % украинок, живут в моноэтнических браках, впрочем, даже в таких семьях, где оба родителя украинцы (равно как и белорусы), дети, выросшие в России, нередко считают себя русскими [6, 10].

Исследования выявили зависимость числа межнациональных браков от этнической гомогенности самих брачующихся [15]. Та часть населения, которая имеет в своем происхождении со стороны предков или родителей брачные связи с другими этническими группами, вступает в иноэтнические браки в три раза чаще, чем те, кто два последних поколения строили брачные отношения на моноэтнической основе. Об этом же говорят и исследования иностранных авторов [34]. Таким образом, межэтническая брачность у этносов, склонных к ней, еще более нарастает [22, 31].

Ряд авторов [4, 17] считает, что в ряде случаев речь может идти не о полной ассимиляции, а о распространении множественной (чаще всего двойной) идентичности («двойственной идентичности» [25], «плавающей, или ситуационной идентичности» [30], «многоуровневого этнического самосознания» [12]), по крайней мере на несколько поколений, описывая ситуации, когда индивид одновременно или в зависимости от ситуации считает себя представителем сразу двух этнических групп, хотя возможность фиксации такой идентичности в этнической статистике отсутствует. В. А. Тишков считает, что более точно отражает этническую мозаику принцип множественной этнической принадлежности, когда отдельный индивид (особенно из этнически смешанных семей) в равной мере владеет языком и культурой отца и матери и имеет сложное самосознание [16].

Результаты исследований показывают, что и в Беларуси основным фактором сокращения численности русских и ряда других миноритарных этнических групп в Белоруссии являются ассимиляционные процессы, проявляющиеся в смене этнической самоидентичности на титульную [7, 20, 28 и др.].

Разнонаправленная трансформация этнической идентичности «белорусы ↔ русские» отмечалась на территории Беларуси в течение всего XX века. Так, результаты переписи 1920 г. показал, что в Витебской и Гомельской губерниях русских насчитывалось 1 715 тыс. человек, или 45,8 % населения (в то время как белорусов 1 571 тыс. человек, или 42 %) [29]. После присоединения российских территорий к БССР в 1924 и 1926 гг. была осуществлена масштабная государственная политика белоруссизации, ставившая своей целью ускоренное формирование идеологически сконструированной этнической идентичности с помощью административного принуждения и политического давления [3]. В результате уже очередная перепись 1926 г. показала наличие во всей БССР лишь 383,8 тыс. русских (7,7 %), в то время как численность белорусов была определена в 4 017 тыс. человек (86 %) [29]. В. М. Кабузан оценивает численность русских в современных границах Беларуси для 1917 г. в 1 461 тыс. чел., а для 1926 г. – 485 тыс. чел. [13]. Главной причиной такого сокращения количества русских стала «идентификационная инверсия», вызванная государственной политикой коренизации, «огосударствления этничности», направленной на принятие русскими титульной идентичности. В. С. Малахов пишет, что «федерализм», объявленный советской властью основой государственного устройства, имел своей действительной основой этнонационализм» [18]. К 1939 г. доля русских сократилась ещё больше – до 6,5 %.

В период 1939–1989 гг. доля русских выросла до 13,2 % (а в городах до 17,5 %), причём самую существенную роль в этом вновь играли ассимиляционные процессы; потомство смешанных русско-белорусских семей в большинстве случаев выбирало русскую самоидентификацию. А. Г. Суций указывает, что в 1960-е гг. на ассимиляцию могло приходиться порядка 40–50 % всего демографического прироста русского населения республики, а в 1970–1980-е гг. этот показатель мог подняться до 60–70 % [29]. В постсоветский период ситуация изменилась на противоположную – происходила масштабная этнодемографическая «титулизация» общества, то есть смена идентичности на белорусскую и, соответственно, сокращение доли русского населения. В 1990-е годы на ассимиляционные процессы приходилось до 60 % убыли русского населения, а в 2000-е эта цифра достигла 82–84 %. Произошла серьёзная деформация возрастной структуры русского населения – доля лиц моложе трудоспособного возраста с 1989 по 2009 гг. сократилась с 15,2 до 7,4 %, а старше трудоспособного выросла с 21,4 до 32,8 % [29]. Аналогичным образом возрастная структура трансформировалась и у украинского населения Беларуси. В таблице 1, составленной по данным переписи населения Беларуси 2019 г., показана этновозрастная структура основных этнических групп страны. Видно, что в младших возрастных группах доля населения белорусов самая высокая и превышает долю украинцев и белорусов более чем в два раза.

Этноассимиляционным процессам среди населения русских и украинцев в настоящее время способствует в целом дисперсное расселение (отсутствуют крупные регионы

с выраженной повышенной их долей по сравнению с другими регионами), отсутствие социокультурных отличий, в частности, языковых с титульным населением, успешная реализация курса на построение модели политической (гражданской) нации, индифферентность восприятия собственной этничности среди молодого поколения, высокая доля выходцев из полиэтнических семей. В условиях дисперсного расселения члену этнической группы сложно найти брачного партнёра, принадлежащего к той же группе, особенно в условиях минимальных социокультурных отличий от титульного этноса.

**Таблица 1 – Доля населения этнических групп в 10-летних возрастных группах от общего количества населения этих групп**

| Национальность | Возрастная группа, лет |       |       |       |       |       |       |       |     |
|----------------|------------------------|-------|-------|-------|-------|-------|-------|-------|-----|
|                | 0–9                    | 10–19 | 20–29 | 30–39 | 40–49 | 50–59 | 60–69 | 70–79 | 80+ |
| белорусы       | 12,2                   | 10,8  | 11,7  | 16,5  | 13,7  | 13,5  | 12,2  | 5,6   | 3,7 |
| русские        | 5,8                    | 5,4   | 7,4   | 14,1  | 15,3  | 18,4  | 18,2  | 9,8   | 5,5 |
| поляки         | 10,1                   | 8,5   | 9,5   | 13,7  | 14,5  | 16,7  | 12,8  | 8,6   | 5,7 |
| украинцы       | 5,5                    | 4,9   | 7,8   | 15,0  | 15,6  | 20,7  | 16,1  | 9,0   | 5,4 |
| евреи          | 8,7                    | 7,4   | 10,0  | 13,0  | 11,8  | 12,1  | 15,1  | 12,5  | 9,3 |

Доля смешанных семей в советской время была достаточно высока. Так, согласно исследованию [9], в 1979 г. она составляла по Беларуси 20,1 % (увеличившись почти вдвое с 1959 г.), а среди городского населения 29,5 %, то есть почти каждая третья семья в городе была этнически смешанной. Данный показатель был одним из самых высоких в СССР и незначительно уступал только Украине. По исследованию 1985 г. из общего количество межэтнических браков, заключённых белорусами, 71,1 % было заключено с русскими, 20,8 % с украинцами. Число мужчин–белорусов в этнически смешанных браках в Беларуси на 100 женщин–белорусов в этнически смешанных браках составляло 80, русских – 115. Среди белорусско-русских семей в 60,9 % случаев национальность ребёнка указывалась по национальности отца (индекс патронимии), в 49,3 % случаев выбиралась белорусская национальность вне зависимости от национальности отца или матери (индекс этнонимии). В белорусско-украинских семьях индекс патронимии был 59,7 % индекс этнонимии 81,4 %, в белорусско-польских семьях соответственно 58,6 и 76,8 %, в русско-украинских – 58,9 и 83,9 % (последнее значения показывает долю русских). Причём индекс патронимии зависел от пола ребёнка, так, в белорусско-русских семьях с одним ребёнком – мальчиком – он был равен 68,5 %, девочкой – 52,2 %; с несколькими детьми – только мальчиками – 56,4 %, мальчиками и девочками 54,1 %, только девочками 50,8 %. В 1982 г. в Белорусском Полесье исследователи обнаружили, что «в браках, где отец был белорусом, а мать русской, 64 % детей избрали белорусскую национальность, а 36 % русскую. А в браках, где отец был русским, а мать белоруской, 76 % детей определили себя как русские и 24 % как белорусы» [14].

Исследователи отмечают, что одним из главных факторов, способствующих этнической ассимиляции, является ассимиляция языковая, то есть использования в повседневном бытовом общении различными этническими группами одного и того же языка и указание его в качестве родного [31, 32]. Как правило, этим языком является титульный (например, русский в России), однако особенностью Беларуси является то, что подавляющее большинство населения различных этнических групп использует русский язык, рассматриваемый белорусами в качестве такого же родного, как и белорусский. Таким образом, русский язык является этнообъединяющим фактором, благодаря которому представители нетитульных этнических групп, особенно русские и украинцы, не видят никаких отличий от представителей титульной этнической группы, а вопросы этничности не являются актуальными в обществе (самую высокую актуализированность этнической идентификации демонстрируют респонденты с начальным и неполным средним образованием; наиболее

высокий уровень актуализации этнического сознания характерен для жителей западного пограничья (Гродненская область), а самый низкий – для жителей Могилевской и Гомельской областей [11]). Исследования показывают, что этническая идентичность наиболее сильно выражена у тех, кто живет в среде, во многом отличающейся по своей культуре, языку от их собственной [11]. В ходе многовекового совместного существования русского и белорусского народов сложилась общность исторических судеб, культур, уклада хозяйственной жизни, родственность менталитета. Белорусы никогда не стремились отказываться от русского языка как государственного. На момент распада СССР белорусский народ, не имевший отрицательных стереотипов в отношении русских, был наиболее пророссийски настроен [26]. Языковое, аксиологическое, цивилизационное единство, близость социокультурных особенностей в значительной степени способствуют единой этнической идентификации представителей различных этнических групп в качестве белорусов, как совокупности граждан страны. По этой причине современная Беларусь, как указывают Н. М. Межевич, В. В. Шимов [21] в большей степени соответствует модели не этнической, а гражданской нации, преимущественно русскоязычной, сознающей тесную связь своих исторических судеб с Россией и в то же время утверждающей себя как самостоятельный национально-политический субъект. Соответствующим образом произошло и функциональное распределение ролей между белорусским и русским языками: русский как основной язык повседневного обихода и белорусский как символический маркер национальной субъектности.

М. Ю. Сушко, рассматривая ассимиляционные процессы в Поволжье, пишет, что главным интегрирующим фактором выступает язык, как механизм общения народов. Языковые процессы свидетельствуют о нарастании процесса усиления роли и значения русского языка не только как языка межнационального общения. Русский язык становится мощным фактором межэтнической интеграции, что, в свою очередь, может способствовать складыванию единой общности [27]. Данный тезис представляется нам справедливым и для современной Беларуси.

### Список литературы

1. Антропов, Е. В. Этнодемографические процессы в Сибири в XX–XXI вв.: общая характеристика / Е. В. Антонов // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2008. – № 22. – С. 619–628.
2. Атанесян, Г. Проблемы сохранения этнической идентичности белорусской диаспоры в советской и постсоветской Армении / Г. Атанесян, Г. Акопян // Человек и культура. – 2020. – № 6. – С. 56–63.
3. Бендин, А. Ю. Нацыянальнае адраджэнне ў вышэйшай школе Беларусі (канец 20-х – пачатак 30-х гадоў) / А. Ю. Бендин // Нацыянальная самасвядомасць і выхаванне моладзі: зб. навук. пр. – Минск, 1996. – С. 25–36.
4. Бубликов, В. В. Между русскими и украинцами: трансформация этнической идентичности лиц с русско-украинской этничностью в России / В. В. Бубликов // Этнографическое обозрение. – 2022. – № 2. – С. 168–187.
5. Бубликов, В. В. Множественная этническая идентичность и ее влияние на статистику национального состава населения России / В. В. Бубликов // Межэтнические отношения и процессы в современном мире: Матер. Всерос. с междунар. участием науч. конф., посв. 95-летию д-ра филос. наук, проф. В. И. Затеева, г. Улан-Удэ, 29 мая 2019 г. – Улан-Удэ: Бурятский гос. ун-т имени Доржи Банзарова, 2019. – С. 63–67.
6. Бубликов, В. В. Этнические меньшинства и уровень их интеграции в Белгородской области: история формирования и современные тенденции развития / В. В. Бубликов. – Белгород: КОНСТАНТА, 2015. – 332 с.
7. Буев, А. Л. Государственный билингвизм. Положение русских и русскоязычие в Республике Беларусь / А. Л. Буев, О. Г. Буховец // Современная Европа. – 2018. – № 3 (82). – С. 71–82.

8. Винер, Б. Е. К построению качественной регрессионной модели этнической идентичности / Б. Е. Винер // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Том 1. – № 3. – С. 121–142.
9. Волков, А. Г. Этнически смешанные семьи в СССР: динамика и состав / А. Г. Волков // Вестник статистики. – 1989. – № 7. – С. 12–26; № 8. – С. 8–24.
10. Воропаева, А. Г. Динамика этнической идентичности украинцев Молчановского района Томской области в 1950–1970-е гг. (по данным похозяйственных книг) / А. Г. Воропаева // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2016. – № 2. – С. 45–53.
11. Денисюк, Н. П. Формирование этнической идентичности в современных условиях / Н. П. Денисюк // Веснік БДУ. Серія 3, Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2013. – № 3. – С. 86–89.
12. Ермак, Г. Г. Этнокультурная история украинцев Приморского края / Г. Г. Ермак // У карты Тихого океана. – 2015. – № 35 (233). – С. 10–13.
13. Кабузан, В. М. Русские в мире. Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа / В. М. Кабузан. – СПб.: Рус.-Балт. информ. центр «БЛИЦ», 1996. – 352 с.
14. Касперович, Г. И. Миграция населения в города и этнические процессы: На материалах исследования городского населения БССР / Г. И. Касперович. – Минск: Наука и техника, 1985. – 147 с.
15. Кожевникова, Н. И. Русские: этническая гомогенность? (Опыт социологического исследования) / Н. И. Кожевникова, Л. Л. Рыбаковский, Е. П. Сигарева. – М.: ИСПИ РАН, 1998. – 32 с.
16. Тишков, В. А. Перепись населения и меняющиеся идентичности / В. А. Тишков // Демоскоп Weekly. – Режим доступа: [https://www.demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer\\_02.html](https://www.demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_02.html). – Дата доступа: 12.03.2025.
17. Люля, Н. В. Проявление множественной этнической идентичности среди русско-украинских биэтноров России / Н. В. Люля // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2023. – Т. 10. – № 4 (40). – С. 118–126.
18. Малахов, В. С. Проблемы изучения национализма и этничности в конструктивистской парадигме (на примере российского обществоведения последних десяти лет) / В. С. Малахов // Политическая наука. – 2002. – № 4. – С. 108–123.
19. Манаков, А. Г. Картографический анализ динамики численности белорусов и украинцев в России с 1959 по 2010 гг. / А. Г. Манаков, А. Д. Муравьев // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. – 2022. – Т. 15. – № 2. – С. 108–119.
20. Манаков, А. Г. Территориальные различия в доле русских в постсоветских странах Восточной Европы и Балтии / А. Г. Манаков // Известия РАН. Серия географическая. – 2020. – Т. 84. – № 2. – С. 179–190.
21. Межевич, Н. М. Беларусь: трансформация и модернизация. Итоги постсоветского развития / Н. М. Межевич, В. В. Шимов. – М.: Ин-т Европы РАН, 2024. – 124 с.
22. Орлов, А. Ю. Геодемографические исследования этноассимиляционных процессов (на примере населения Приволжского федерального округа) / А. Ю. Орлов // География и природные ресурсы. – 2011. – № 1. – С. 129–136.
23. Петрухина, Д. В. Белорусы Поволжья: современные условия сохранения этнической идентичности / Д. В. Петрухина // Власть истории – История власти. – Том 10. – Часть 4. – № 54. – С. 86–93.
24. Сафронов, С. Г. Современные тенденции трансформации этнического состава населения России / С. Г. Сафронов // Балтийский регион. – 2015. – № 3 (25). – С. 138–153.
25. Степанов, В. В. Этнокультурное многообразие России и возможности статистических измерений / В. В. Степанов // Этническое и религиозное многообразие России. – М.: ИЭА РАН, 2018. – С. 62–88.

26. Сусяев, А. И. Формирование «особых отношений» между Россией и Беларусью в 1991–1994 гг.: причины и предпосылки / А. И. Сусяев // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 1. – С. 325–327.
27. Сушко, М. Ю. Язык как фактор сохранения исторической национальной самоидентичности жителей Саратовской области (по итогам переписи 2010 года) / М. Ю. Сушко // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. – 2020. – Т. 20. – Вып. 1. – С. 134–138.
28. Суций, С. Я. Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода / С. Я. Суций // Демографическое обозрение. – 2020. – Т. 7. – № 2. – С. 6–30.
29. Суций, С. Я. Русские ближнего зарубежья: история, современность, перспективы (геодемографический аспект) / С. Я. Суций. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2019. – 344 с.
30. Фурсова, Е. Ф. Проблемы этнокультурной идентичности украинского населения Западной Сибири (в начале XX и начале XXI века) / Е. Ф. Фурсова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2019. – Т. 25. – С. 748–753.
31. Шарапов, В. В. Проблема формирования национального (этно-национального) сознания и этнического самосознания населения Среднего Поволжья на современном этапе развития российского общества / В. В. Шарапов // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2018. – Т. 7. – № 2. – С. 433–436.
32. Швец, А. Б. Новая реальность этнического пространства в российском Крыму / А. Б. Швец, К. Ю. Сикач // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. Том 6 (16). Вып. 3. С. 301–313.
33. Шульга Е. П. Трансформация идентичности украинской городской диаспоры Кыргызстана (на примере языковых предпочтений) / Е. П. Шульга // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2014. – № 4. – С. 308–314.
34. Ugglä C., Saarela J. First partner choice in a native minority: the role of own and parental ethnolinguistic affiliation // European Journal of Population. Vol. 40. № 1. Article number 3.

УДК 551.465.553

Д. К. Сулейманлы

## ДИНАМИКА ТЕЧЕНИЙ НА АПШЕРОНСКОМ ШЕЛЬФЕ КАСПИЙСКОГО МОРЯ

*Сумгаитский государственный университет,  
г. Баку, Республика Азербайджан,  
dilshad8080@mail.ru*

*Апшеронский шельф – один из районов Каспийского моря, где значения гидрометеорологических параметров изменяются наиболее интенсивно во времени и пространстве. Эта изменчивость является результатом особого сочетания атмосферных процессов и географических условий. Здесь ландшафт, орография прибрежной зоны и резкое изменение береговой линии, особенно протягивается Апшеронского полуострова в море, горизонтальное и вертикальное направление температуры и плотности атмосферы создают большие градиенты местного типа.*

Градиенты, создаваемые в атмосфере, увеличивают гидродинамический дисбаланс в ее слоях, близких к земле и воде, в результате чего скорости потоков в этих слоях ускоряются. Гидродинамические импульсы, возникающие из-за неравновесности, в разной